

* * *

Когда в сиреневых пустошах роятся густые огни,
в сыром тумане ветвятся косматые звёзды —
светлые волки припадают к молочной траве
и возвращением пахнет земное чрево.

Замри, погружая ладони в текущий свет,
замкни на себе все до одной дороги —
те, что веками колышет морская вода,
и те, что будут проложены над тобою.

На каждом листке — карта твоих путей.
На древних камнях — твои отпечатки пальцев.
Выжженные временем идолы старых богов
видят всё в своих крошащихся грёзах
и улыбаются. Может, благословляя тебя,
странник, сошедший с пути,
в карманах несущий ветер...
А может быть, — светлым волкам,
на клыках несущим грозу.

* * *

Коснись рукой доверчивых плодов —
и звёздная пыльца останется на пальцах.
Печальные глаза испытанных скитальцев
мерцают меж созвездий светляков.

Уснувший пёс у верного костра
один с тобой остался в целом свете,
на полпути к разбуженной планете,
когда рука и рукопись пуста.

Плоды плывут в беременной воде.
По берегам стоят чужие дети.
Слова теряют силу на рассвете,
уснув на свежескошенном дожде.

Легко струятся пальцы меж воды.
И мальчик-крысолов уводит день вчерашний,
где машет флюгер крыльями на башне
в неверном свете тающей звезды.

Вагоновожатый

Ветер разносит письма выбывшим адресатам.
Вороны в серых жилетах важничают в траве.
Погонщик трамваев опять ведёт караван куда-то,
и паутинка трепещет на мятом его рукаве.

В мятных его глазах обитают столицы мира.
Туда он очень хотел бы, но ему не повезло –
куда бы он ни пошёл, за ним пустая квартира,
голодная кошка и безумно надоевшее ремесло.

Трамваи его встречают тихим и нежным звоном,
он знает все их приметы и всем даёт имена.
Он выглядел бы вполне симпатичным определённо,
если бы не сидел всю ночь напролёт у окна.

Невеста его сбежала к туристическому агенту.
А у него остались путеводители городов,
где он никогда не будет – ни в Токио, ни в Сорренто,
ни даже в Тихопропащенске,
где ни рельсов, ни проводов...

* * *

Если случится у Голема один-единственный выходной,
за неимением отчего он постучится к тебе домой.
И будет красную глину есть и красную глину пить.
В мире, исполненном красок, – лишь красною глиной быть...
Станет покорно в угол и взмолится: «Адонай!
Вложи меня в стену заката и больше в меня не играй.
Возьми своё слово обратно, сделай меня кирпичом
красным, как руки убийцы, оставшегося ни при чём.
Перья штопают воздух, выбеливают пустыри,
когда возвращаюсь в гетто, растущее изнутри.
Так сделай меня извёсткой, белой, как слово смерть.
Закрась кирпичные стены. Скажи печам не гореть».
Он будет молиться в угол. И угол в ответ – молчать
шероховатым краем влажного кирпича,
не ведающего ни обжига, ни тяжести древней стены...
Молитвой краугольной, исполненной тишины.

...ad astra...

Константин Эдуардович гонит велосипед
вверх по калужским улицам, по сиротской своей стране.
И смешки соотечественников растекаются по спине,
впадая Окою в дождём разведённый свет.
Гимназической парты чёрная изрезанная доска
не похожа с виду на стартовый стол ничуть.
«Я ещё научусь, – он думает, – научу
этих сытых лабазников видеть за облака,
чувять звёзды, что скованы душевной суконной мглой».
Кумачовой осенью много осыплется листьев, но больше – лиц.
В дождевом дребезжании гнутых велосипедных спиц
глухая эпоха расслышит ракетный вой.
Константин Эдуардович льнёт к слуховой трубе,
словно мальчик, что ищет в ракушке шорох далёких волн.
Но в ответ получает не то погребальный звон,
не то слово «вечность», не то немоту небес.
Велосипед взлетает. Внизу, под ним,
Березуйский овраг похож на скользкий расстрельный ров.
Константин Эдуардович, ваших лучших учеников
истребят другие ваши лучшие ученики...
Но ему всё равно. Он мудрый воздушный змей.
Реактивный двигатель. Металлический дирижабль.
Тяготенья земное продрозверзнутых калужан –
лишь расчётная схема, небольшая погрешность в ней.
Константин Эдуардович разгоняет свой драндулет.
Прямо по курсу – звёзд болотные огоньки.
А на дне оврага светятся бессмертники и васильки,
безотчётно радуясь, что их в этой схеме нет.

Успение

О своём небинарном внегендерном феминизме
расскажи, давай, старой шпалокладчице бабе Мане.
Высокие груди её, как знамёна Победы, выщвели и обвисли,
и креозотом пахнут, сколько ни отмывай их.
У неё под ногтями земля братских могил Поволжья.
Под красным покровом косынки тощая почва
с приметами пепла и тлена.
Она ворочает шпалы. Ты ходишь в свои ривгоши.
Мажешь себя герленом.
Баба Маня баюкает шпалы, напевает им колыбельные песни,
чтоб лежали в земельке тихо, неспешно гнили
до её второго пришествия. Свято место
очень быстро пустеет, если все о тебе забыли.
Но, куда ни глянь, – повсюду её работа,
из победного мая в ласковый сокращающая расстоянье.
И одни на всех, как Победа, её ворота.
Грязные руки.
Остывающее дыханье.

* * *

Мой Бог сидит на берегу мелеющей реки.
Из головы его растут полынь и курослеп.
Хранят божественный покой глазастые мальки,
пока над степью высоко ржавеет лунный серп.

Пока испариной на лбу не выступит роса,
не шевельнутся пауки в созвездьях паутин,
он будет спать. И будет плыть сазан в его глазах
одновременно по реке и Млечному Пути.

Бог мотыльков и пауков, камней и облаков,
Бог перепутанных корней и дремлющих зверей

вливается в рассветный пар мерцающей рекой
и полновесным сазаном резвится в серебре.

Бог осязаем, как сазан – создание глубин.
Как паутина, невесом – тяжёлый, словно твердь.
Полынью плоть его горька. И пахнет, как полынь,
всего лишь тварь, что внутрь себя решилась посмотреть.

Карандашная чаша

Выходи на дорогу прогульщиком, учеником.
Вон – к древесным урокам теснятся звонки трамваев.
Взрослей, с безмятежной жестокостью крылышки дням обрывая,
делая вид, что с собою самим незнаком.

Не махровую зрелостью – пахнет липою аттестат.
Дворик больничный пахнет примерно так же,
где дрожишь в ожидании, что догонят... накажут... свяжут...
Но никто не гонится. Ты свободен и не виноват.

Поднимай «на удачу» потерянные карандаши. Выводи: жи-ши...
Но ча-ща, как обычно, наступит гораздо раньше,
чем успеешь её посадить. Шелестнёт бумажно.
Потемнеет чернильно. И обнимет. И устрашит.

Но тебе ли бояться драконов и гопарей,
контролёров трамвайных и подкроватных чудищ?
Ты и сам себе пострашнее всех страхов будешь.
А чем дальше в чашу, тем лики зверей – добрей.

Обернутся личинки не личинами – мотыльками.
Не позорно быть ни волком, ни дятлом, ни петухом.
Отбрасывай тени подальше, не думая о плохом.
Карандашная чаша да пребудет со всеми нами.

Краснодар